

Водевиль

Обед кончился. Кухарке приказали прибирать со стола как можно тише и не стучать посудой и ногами... Детей поспешили увести в лес... Дело в том, что хозяин дачи, Осип Федорыч Клочков, тощий, чахоточный человек с впалыми глазами и острым носом, вытащил из кармана тетрадь и, конфузливо откашливаясь, начал читать водевиль собственного сочинения. Суть его водевиля не сложна, цензурна и кратка. Вот она. Чиновник Ясносердцев вбегает на сцену и объявляет своей жене, что сейчас пожалует к ним в гости его начальник, действительный статский советник Клещев, которому понравилась дочка Ясносердцевых, Лиза. Засим следует длинный монолог Ясносердцева на тему: как приятно быть тестем генерала! Весь в звездах... весь в красных лампасах... а ты сидишь рядом с ним и ничего! Словно ты и в самом таком деле не последняя шишка в круговороте мироздания! Мечтая таким образом, будущий тесть замечает вдруг, что в комнатах сильно пахнет жареным гусем. Неловко принимать важного гостя, если в комнатах вонь, и Ясносердцев начинает делать жене выговор. Жена, со словами: На тебя не угодишь, поднимает рев. Будущий тесть хватается за голову и требует, чтобы жена перестала плакать, так как начальников не встречают с заплаканными глазами. Дура! Утрись... мумия, Иродиада ты невежественная! С женой истерика. Дочь заявляет, что она не в состоянии жить с такими буйными родителями, и одевается, чтобы уйти из дому. Чем дальше в лес, тем больше дров. Кончается тем, что важный гость застаёт на сцене доктора, прикладывающего к голове мужа свинцовые примочки, и частного пристава, составляющего протокол о нарушении общественной тишины и спокойствия. Вот и всё. Тут же примазан жених Лизы, Гранский, кандидат прав, человек из новеньких, говорящий о принципах и, по-видимому, изображающий из себя в водевиле доброе начало.

Клочков читал и искоса поглядывал: смеются ли? К его удовольствию, гости то и дело зажимали кулаками рты и переглядывались.

Ну? Что скажете? поднял глаза на публику Клочков, окончив чтение. Как? В ответ на это самый старший из гостей, Митрофан Николаевич Замазурин, седой и лысый, как луна, поднялся и со слезами на глазах обнял Клочкова. Спасибо, голубчик, сказал он. Утешил... Так хорошо ты это самое написал, что даже в слезы ударило... Дай я тебя еще раз... в объятия...

Отлично! Замечательно! вскочил Полумраков. Талант, совсем талант! Знаешь что, брат? Бросай ты службу и изволь писать! Писать и писать! Подло зарывать талант в землю!

Начались поздравления, восторги, объятия... Послали за русским шампанским.

Клочков растерялся, покраснелся и от избытка чувств заходил вокруг стола. Я в себе этот талант давно уже чувствую! заговорил он, кашляя и махая руками. Почти с самого детства... Излагаю я литературно, остроумие есть... сцену знаю, потому в любителях лет десять терся... Что же еще нужно? Поработать бы только на этом поприще, поучиться,... и чем я хуже других? Действительно, поучиться... сказал Замазурин. Это ты верно... Только вот что, голубчик... Ты меня извини, но я правду... Правда прежде всего... У тебя выведен Клещев, действительный статский советник... Это, друг, нехорошо... Оно-то, в сущности, ничего, но как-то, знаешь, неловко... Генерал, то да се... Брось, брат! Еще наш рассердится, подумает, что ты это на него... Обидно старику станет... А от него мы акроме благодеей... Наплюй!

Это правда, встревожился Клочков. Нужно будет изменить... Я поставлю везде ваше высокородие... Или нет, просто так, без чина... Просто Клещев... И вот что еще, заметил Полумраков. Это, впрочем, пустяки, но тоже неудобно... глаза режет... У тебя там жених этот, Гранский, говорит Лизе, что ежели родители не захотят, чтоб она за него шла, то он против ихней воли пойдет. Оно-то, может быть, и ничего... может быть, родители и взаправду бывают свиньи в своем тиранстве, но в наш век, как бы этак выразиться... Достанется тебе, чего доброго!

Да, немножко резко, согласился Замазурин. Ты как-нибудь замажь это место... Выкинь также рассуждение про то, как приятно быть тестем начальника. Приятно, а ты смеешься... Этим, брат, шутить нельзя... Наш тоже на бедной женился, так из этого следует, что он скверно поступил? Так, по-твоему? Нешто ему не обидно? Ну, положим, он сидит в театре и видит это самое... Нешто ему приятно? А ведь он же твою руку держал, когда ты с Салалеевым пособия просил! Он, говорит, человек больной, ему, говорит, деньги нужней, чем Салалееву... Видишь?

А ты ведь, признайся, здесь на него намекаешь! мигнул глазом Булягин. И не думал! сказал Клочков. Накажи меня бог, совсем ни на кого не намекал! Да ну, ну... оставь, пожалуйста! Он, действительно, любит за женским полом бегать... Ты это верно за ним подметил... Только ты тово... частного пристава выпусти... Не нужно... И Гранского этого выпусти... Герой какой-то, чёрт его знает чем занимается, говорит с разными фокусами... Если б ты его осуждал, а то ты, напротив, сочувствуешь... Может быть, он и хороший человек, но... чёрт его разберет! Всё можно подумать...

А знаете, кто такой Ясносердцев? Это наш Енякин... На него Клочков намекает... Титулярный советник, с женой вечно дерется и дочка... Он и есть...

Спасибо, друг! Так ему, подлецу, и надо! Чтоб не зазнавался!

Хоть этот, например, Енякин... вздохнул Замазурин. Дряннь человек, шельма, а все-таки он всегда тебя к себе приглашает. Настюшу у тебя крестил...

Нехорошо, Осип! Выкинь! По-моему... бросил бы лучше! Заниматься этим делом... ей-богу... Разговоры сейчас пойдут: кто, как... почему... И не рад потом будешь!

Это верно... подтвердил Полумраков. Баловство, а из этого баловства такое может выйти, чего и в десять лет не починешь... Напрасно затеваешь, Осип...

Не твое и дело... В Гоголи лезть да в Крыловы... Те, действительно, ученые были; а ты какое образование получил? Червяк, еле видим! Тебя всякая муха раздавить может... Брось, брат! Ежели наш узнает, то... Брось!

Ты порви! шепнул Булягин. Мы никому не скажем... Ежели будут спрашивать, то мы скажем, что ты читал нам что-то, да мы не поняли...

Зачем говорить? Говорить не нужно... сказал Замазурин. Ежели спросят, ну, тогда... врать не станешь... Своя рубашка ближе к телу... Вот этак вы понастроите разных пакостей, а потом за вас отдувайся! Мне это хуже всего! С тебя, с больного, и спрашивать не станут, а до нас доберутся... Не люблю, ей-богу!

Потише, господа... Кто-то идет... Спрячь, Клочков!

Бледный Клочков быстро спрятал тетрадь, почесал затылок и задумался.

Да, это правда... вздохнул он. Разговоры пойдут... поймут различно... Может быть, даже в моем водевиле есть такое, чего нам не видно, а другие увидят...

Порву... А вы же, братцы, пожалуйста, тово... никому не говорите...

Принесли русское шампанское... Гости выпили и разошлись...